

A decorative border composed of black line art on a white background. The border features stylized flowers, leaves, and vines that frame the central text. The floral elements are symmetrical and detailed, with some leaves showing prominent veins and some flowers having multiple petals. The vines are thin and elegant, winding around the floral motifs.

* * *

Для необычайных

A decorative border of black line art illustrations surrounds the text. At the top, there are branches with leaves and small, bell-shaped flowers. On the right side, there are more flowers and a large, stylized leaf. At the bottom, a large pomegranate is shown in cross-section, revealing its seeds. The pomegranate is surrounded by more leaves and flowers. The entire border is symmetrical and intricate.

Часть I.

**ЗОЛОТЫЕ
ДЕНЬКИ**

Жила-была девочка

Сами девочки на предварительные собеседования не приходили никогда. Приходили родители, опекуны, растерянные братья и сестры, всей душой желающие помочь, но не представляющие как. Для самих будущих учениц это было бы слишком тяжело — сидеть и слушать, как родные, самые любимые, самые близкие в мире люди (в этом мире, во всяком случае) называют их воспоминания бредом, приключения — фантазиями, а всю их жизнь — какой-то не поддающейся лечению болезнью.

К тому же, если бы девочки впервые увидели Элеанор такой — одежда в сдержанной серо-лиловой гамме, с такой же строгой прической флегматичной пожилой тетушки, какие и бывают-то разве что в детских сказках, —

вряд ли после этого они прониклись бы доверием к ее школе. Настоящая Элеанор была совсем другая. Ни к чему им слушать, как она будет разговаривать с родителями, как будет убеждать их со всей серьезностью и откровенностью, что ее школа поможет бедным заблудшим овечкам излечиться от всех отклонений в психике. Возьмет сломанных детей в починку и вернет обратно целыми.

Разумеется, все это была ложь, но будущим ученицам неоткуда было это знать. Поэтому Элеанор проводила беседы с законными представителями несовершеннолетних с глазу на глаз и отыгрывала свою роль с уверенностью и мастерством прирожденной мошенницы. Если бы вдруг все эти опекуны вздумали собраться вместе и сличить записи их бесед, то увидели бы, что сценарий давно отработан и тщательно смазан, как надежное оружие, потому что это и было ее оружие.

— Мы имеем дело с редким, но не уникальным психическим расстройством. Оно проявляется у юных девушек, когда они подходят к той черте, за которой девочка превращается в женщину, — говорила она, глядя прямо в глаза отчаявшимся, подавленным родственникам очередной юной бродяжки.

В тех редких случаях, когда приходилось иметь дело с родителями мальчика, текст речи слегка менялся, но не более, чем того требовала ситуация. Элеанор оттачивала эту программу годами и умела играть на родительских страхах и надеждах. Они желали своим подопечным только добра, так же как и она. Вот только понятия о том, что же такое «добро», у них совсем не совпадали.

Родителям она говорила:

— Это все галлюцинации — возможно, смена обстановки пойдет на пользу.

Дядюшкам и тетушкам она говорила:

— Вашей вины тут нет, а я, вполне вероятно, сумею все исправить.

Бабушкам и дедушкам она говорила:

— Позвольте мне помочь вам. Прошу вас, позвольте мне помочь.

Не всех удавалось убедить, что закрытая школа — это лучший выход. Примерно каждая третья ученица ускользала от Элеанор, и это было грустно: теперь этим девочкам придется в жизни гораздо труднее, а ведь их можно было спасти. Зато как сердце радовалось за тех, кого поручали ее заботам. Пока они с ней, это значит, что с ними рядом есть хоть кто-то понимающий. Даже если им никогда не представится

Шеннон Макгвайр. В КАЖДОМ СЕРДЦЕ — ДВЕРЬ

возможность вернуться домой, здесь у них всегда будет кто-то понимающий и общество сверстников, таких же как они, а это само по себе бесценно.

День за днем Элеанор Уэст старалась дать этим детям то, чего была лишена сама, и надеялась, что когда-нибудь заслужит этим право вернуться домой.